

волосамъ Зины.—Тебѣ Россія—ядъ, здѣсь сыро, гадко, туманъ... а все я, я!..

Быстро опустила она на коѣнни у кровати, схватила руку Зины, начала ее цѣловать, расплакалась, надавала себѣ еще бранныхъ прозвищъ на трехъ языкахъ, а когда опять поднялась на ноги, то сейчасъ же отерла слезы и стала дѣловымъ тономъ увѣрять Зину, что она лишней секунды не останется въ Москвѣ и сейчасъ поѣдетъ въ городъ къ адвокату и къ доктору, который пріѣзжалъ на консультацію, и оставитъ ему свой московскій адресъ на всякій случай, а потомъ заѣдетъ къ Теняшеву. Онъ можетъ даже и переселиться въ Петергофъ; не все ли ему равно!

— Ужъ ты лучше жени его на мнѣ,—сказала Зина.

Эта шутка окончательно разсѣяла волненіе Сосѣ, и она предалась лихорадкѣ отъѣзда, что для нея было всегда лишнимъ средствомъ дать ходъ своему темпераменту.

Черезъ четверть часа ея голоса уже не было слышно въ домѣ.

Зина лежала въ полной тишинѣ. Все обошлось лучше, чѣмъ она ожидала. Главное—ее оставятъ въ покоѣ. Обморокъ у платформы подоспѣлъ кстати. Но онъ же печалилъ ее и смущалъ. Бывали съ ней припадки въ родѣ столбняка, но всегда послѣ сильныхъ мигреней, въ постели или, по крайней мѣрѣ, въ комнатахъ. А такъ, внезапно... и „глупо“ еще ни разу не случилось.

Лежала она съ закрытыми глазами. Ни заснуть, ни забыться она не могла. Не зла она на Сосѣ за то, что та привезла ее въ Россію—мало ли она глупостей выдѣлывала, эта неисправимая Сосѣ!—но въ Россіи, въ этомъ климатѣ, ей оставаться нельзя... Да и не климатъ тутъ одинъ виной: — вся жизнь, люди, тонъ, разговоры, что-то ужасно прѣсное...

Для кого здѣсь одѣваться, кому себя показывать, кѣмъ, хоть на недѣлю, заинтересоваться? Теряешь всякій вкусъ къ жизни...

Да, ея нездоровье подошло чрезвычайно кстати. Она еще не можетъ ни ходить, ни сидѣть, какъ надо, и еще менѣе писать. Кто же будетъ требовать отъ нея письма, въ отвѣтъ на то, что лежитъ у нея въ бюварѣ, на письменномъ бюро, рядомъ, въ ея будуарѣ-кабинетѣ, куда дверь была полуотворена?

А вдругъ Сосѣ заживется въ Москвѣ? Старику-дядѣ станетъ хуже?.. Что она будетъ здѣсь дѣлать, съ Теняшевымъ „rouge tout potage“? Онъ въ Петергофѣ совсѣмъ не забавень, вретъ все то же, старая, давно ей извѣстныя вещи, и смотритъ въ публикѣ такимъ „voyou“. Правда, онъ ей преданъ, но что-жъ изъ этого? Веселѣе оттого не станетъ.